

РАМИ КРУПНИК

СОБАКИ И ОЛИГАРХИ

АДВОКАТСКИЕ ИСТОРИИ

От популярного
и любимого в Сети автора «Сноба».
Трогательно... Смешно... Грустно...
Неподражаемо...

Рами Крупник

Собаки и олигархи

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40598991

Собаки и олигархи: Эксмо; М.; 2019

ISBN 978-5-04-099171-6

Аннотация

Вы, конечно, думаете, что адвокат честным трудом может сколотить огромное состояние, если он умный, образованный и к тому же еврей? Что достаточно всего лишь выбрать правильную страну для занятия юриспруденцией – Израиль? Что нужно научиться никому не верить и получать гонорары только авансом? Ну, это совсем уж сказки. Когда волосатый сутенер снимает с вас часы за долги вашего общего клиента – не сопротивляйтесь. Когда министр считает, что формальности не для него, – разубедите, и благодарность его будет безгранична. Ввязались ли вы в историю с собачьим приютом или в дела олигарха, требуете ли компенсацию за помятую физиономию или за поврежденный детородный орган – будьте оптимистами! Даже если с радостью проиграете процесс. Десятки судеб и сотни эпизодов из адвокатской практики и жизни, которые заставляют смеяться, плакать, сопереживать участникам криминальных и олигархических разборок, взлетам и падениям международных аферистов и государственных мужей.

Содержание

Тетя Сара	5
История о моей первой девушке	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Рами Крупник

Собаки и олигархи

© Рами Крупник, 2018

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,

2019

Тетя Сара

Двоюродный брат мамы, дядя Изя, уехал в Израиль перво-проходцем, в ранние семидесятые, еще до моего рождения. В конце восьмидесятых дядя Изя дважды приезжал в гости на родину. Обыкновенная, не обетованная родина дяди Изи была в Советской Молдавии, нынешней Молдове, и так получилось, что когда из страны сионистского апартеида, страны, из которой до него никто не возвращался, он приехал в Рыбницу, наша семья как раз пряталась там у родственников от разразившейся в Черновцах алопеции.

Дядю Изю ждали, его с удовольствием принимали все родственники и знакомые – маленький плешивый человечек с пузиком, корявым русским языком и с тем самым анекдотическим акцентом – как позже оказалось, он владел полумагазином полускладом на рынке Беэр Шевы – был событием лета в Молдавии и очень скоро прослыл докой по всем вопросам, связанным с эмиграцией в Израиль. Все хотели до него дотронуться, смотрели на него как на чудо и задавали ему бесконечные вопросы.

В Молдавию дядя Изя приехал посетить родственников и заодно починить и вставить задешево зубы. Помню, каким он приехал в Рыбницу впервые – чуть ли не с дырявым ртом. Уезжал дядя Изя с полным ртом советского золота высшей пробы, то ли для собственного употребления, то ли для даль-

нейшей перепродажи.

В свободное от посещений зубного врача время дядя Изя любил порассуждать о ходовых товарах, которые стоило везти в Израиль на продажу (вывоз валюты из СССР был строго ограничен). Помню, как он особенно напирал на марлевые бинты, вату, палатки и резиновые лодки – по его словам, эти товары были особенно востребованы, и их легко можно было сбыть в его магазинчике на рынке, получив немалую прибыль.

Про дядю Изю говорили, что он богат, и, то ли с осуждением, то ли с завистью в голосе, добавляли, что в свои шестьдесят с лишним он женат на молодой женщине, чуть не на двадцать лет младше его. К слову, свою жену Сару дядя Изя в СССР не привозил – пока он вставлял зубы, Сара оставалась за главную в их магазинчике.

Вспоминая сегодня те приезды дяди Изи в СССР, начинаю осознавать, насколько скромно и скудно мы жили тогда. Дядя Изя – с утра и до позднего вечера сидевший у своего магазинчика-склада в вонючем закоулке беершевского рынка, с трудом говоривший на ломаном иврите – казался в совдепии конца восьмидесятых достойнейшим человеком и чуть ли не ходячей достопримечательностью.

Еще помню, что во второй свой приезд дядя Изя подарил мне особенный брелок для ключей – брелок, который отзывался мелодией на свист. Подобного брелока ни у кого в нашей школе не было, и невиданное чудо сразу стало хитом

у моих одноклассников и, что особенно радовало, у одноклассниц. На неделю брелок превратил меня из никому не нужного ботана чуть ли не в самого популярного ученика в классе. До сих пор вспоминаю, как со страхом – а ну как испортят? – я передавал его в руки одноклассниц, и их губы касались брелока в легком свисте, чтобы вызвать – о чудо западной техники! – тихую мелодию. Приходя домой, я украдкой целовал брелок в том месте, где его касались недостижимые губы одной из одноклассниц. Я уже начал привыкать к неожиданно свалившейся на меня популярности, но эпопея с брелоком закончилась уже через несколько дней, когда он своей мелодией нарушил монотонное течение урока. Рассвирепевшая завуч, которая вела урок, выхватила брелок из рук моей одноклассницы своими медвежьими лапищами родовитой шпалокладчицы и бросила его в ящик своего стола. Поврежденный брелок мне отдали лишь через несколько дней, и он уже никогда больше не реагировал на свист.

Год спустя после второго визита дяди Изи в СССР мои родители репатриировались в Израиль и волей судьбы оказались в той же Беэр Шеве. Через несколько дней после приезда мы отправились на рынок к дяде Изе, прихватив с собой вещмешок с брезентовой палаткой и сумку с рулонами марли. Дядя Изя отсчитал нам за них несколько десятков долларов, жалуясь на тяжелые времена и безденежье. В подтверждение своих родственных чувств дядя Изя подвел меня к магазину напротив, где купил мне у бедуина за двадцать ше-

келей кроссовки – белые, с двумя полосками и с подозрительной надписью «Адидос». Тогда же Изя познакомил нас со своей женой Сарой – дородной женщиной. Она была выше его на целую голову, у нее были необъятные бедра и грудь, а ее слоновьи ноги заставляли ее все больше сидеть на табуретке у входа в магазин. Рот Сары блестел золотыми зубами – я невольно задался вопросом, не перекочевали ли к ней зубы из Изиного рта, – а плоское лицо украшал массивный характерный нос. Этим визитом общение моих родителей с ним и Сарой ограничилось: домашние визиты они друг другу не наносили. Очень скоро родители заподозрили Изю в том, что он обсчитал их и заплатил чуть ли не пятую часть той цены, за которую позже сбыл полученный от них товар, и совсем прекратили с ним общаться, ограничиваясь лишь сухими кивками головы, когда проходили мимо его магазинчика на рынке.

Спустя годы я переехал в Хайфу и выучился на адвоката. Дядя Изя скончался в возрасте восьмидесяти лет, и мама попросила меня сопровождать ее на Изины похороны – папа так и не простил Изе аферу с нашей марлей и идти на кладбище наотрез отказался. На Изиных похоронах было совсем мало людей – лишь малочисленные родственники и соседи. У Изи с Сарой не было общих детей, и Сара пришла на кладбище с сыновьями от прошлого брака. Мы уже хотели уходить, когда Сара обратилась ко мне и спросила, правильно ли она слышала, что я стал адвокатом. Я подтвердил, и она по-

просила меня зайти к ней домой на следующий день, до возвращения в Хайфу. Нехотя, игнорируя чувствительные мамины тычки локтем в бок, я согласился.

На следующий день я пришел в захламленную квартиру Сары и покойного Изи. В гостиной сидели какие-то люди – видимо, знакомые и соседи. Мне предложили выпить воды, но, увидев залапанный руками пластиковый стакан, я побрезговал и отказался. Минут через десять Сара поманила меня с порога смежной комнаты, и я прошел в их спальню. Дышать там было практически нечем. Сара плотно прикрыла за мной дверь в гостиную и подошла к угловому шкафу. Недоумевая, чего она от меня хочет, я наблюдал, как она разгребает какие-то тряпки и вытаскивает средних размеров чемодан. К моему удивлению, чемодан был полон сложенных в аккуратные пачки стодолларовых купюр.

«Здесь двести пятьдесят тысяч долларов, он копил их всю свою жизнь, во всем себе и мне отказывал, – сказала Сара. – Я не знаю, как мне правильно поступить с этими деньгами. Ведь их нельзя положить в банк, может, ты подумаешь и что-нибудь мне посоветуешь». После недолгого молчания, придя в себя – я никогда раньше не видел столько денег наличными, – я сказал Саре, что не имею понятия, как ей правильно поступить, но если что-то попадется, буду иметь в виду. На том и порешили, и я не видел Сару еще несколько лет.

Про доллары Сары я вспомнил лишь тогда, когда мой клиент – российский олигарх – позвонил и спросил, могу ли

я организовать ему в Израиле сто пятьдесят тысяч долларов наличными. Доллары нужны были олигарху вечером того же дня, он сказал, что готов оплатить разумные проценты, и я ответил, что подумаю. Не успел я повесить трубку, как вспомнил про Сарин чемоданчик.

Оказать помощь олигарху без какой-либо выгоды для себя было для меня делом престижа – мне было чрезвычайно важно выглядеть в его глазах человеком, который «решает вопросы», и укрепить свои позиции в его окружении. Недолго думая, взвесив все «за» и ни одного «против», я решил найти Сару и убедить ее в целесообразности такого займа.

Отыскать Сарин номер телефона после стольких лет было непросто. Я озадачил маму, причем минут десять отбивался от вопросов, с какой стати он мне понадобился. У мамы номера телефона Сары не оказалось, и она узнала его у другой нашей родственницы, которая, в свою очередь, тоже долго допытывалась, зачем понадобился маме Сарин телефон.

Сара была дома и сразу ответила на телефонный звонок. С минуту она не могла вспомнить, кто я такой, и узнала меня, только когда я напомнил ей про доллары – видимо, посвященных в тайну было раз, два и обчелся. Обещание разумного процента Сару очень заинтересовало. Она сказала, что готова одолжить деньги под мои личные гарантии и под три процента в месяц. Переговорив с Сарой, я позвонил олигарху, рассказал о ее требованиях и только после этого осознал, что добровольно лезу в постель больного: олигарх с возму-

щением сказал, что три процента в месяц это сущий грабеж, что он готов платить не более двух. И добавил, что он платит мне зарплату и я не должен на нем зарабатывать. Я стал объяснять, что не зарабатываю на этом ни копейки и что если он так думает, то лучше мне совсем в это не лезть, но он уже бросил трубку.

Сара, со своей стороны, долго сетовала на риски и на то, что под такие проценты деньги никто не дает. Я слушал ее и не спрашивал, откуда ей известны ходовые рыночные процентные ставки. Только когда я сказал, что не надо, давайте все отменим и уже хотел нажать отбой, – собираясь спокойно вздохнуть, мол, не получилось, но не по моей вине, – Сара согласилась уменьшить процент до двух с половиной. С этим предложением, в точности как тот рыбак, шедший к рыбке с поручением от старухи, я перезвонил олигарху, но тот был занят и трубку взять не соизволил. Не имея доступа к телу, я передал предложение его водителю в надежде, что олигарх откажется брать деньги. К моему удивлению, через десять минут водитель олигарха перезвонил мне и спросил, когда я смогу подвезти деньги в Герцелию.

Еще через десять минут я уже мчался со скоростью сто двадцать километров в час в Беэр Шеву. Сара встретила меня на пороге своей квартиры – она сильно похудела и, несмотря на годы, выглядела намного свежее той женщины, которую я когда-то встретил у магазинчика дяди Изи. Мы снова прошли в заветную спальню, Сара снова плотно при-

крыла дверь, хотя в квартире, кроме нас, никого не было, открыла тот самый шкаф, повыбрасывала на кровать всяческое барахло и вытащила чемоданчик. При беглом, не профессиональном на тот момент взгляде на содержимое мне показалось, что количество денег в чемоданчике уменьшилось. Сара отделила несколько пачек долларов и указала мне на остальное, мол, вот твои сто пятьдесят тысяч. Перед тем как упаковать деньги в мою сумку, Сара потребовала, чтобы я подписал бумажку, где смешным корявым русским, прописными буквами было написано, что я такой-то, удостоверение личности такое-то, обязуюсь вернуть Саре такой-то сто пятьдесят тысяч долларов плюс два с половиной процента в месяц. Срок возврата Сара в бумажку не вписала – платите проценты и пользуйтесь деньгами, сколько понадобится.

Через два с половиной часа, преодолев все пробки, я вручил олигарху пакет с деньгами, чем заслужил сухое пожатие руки и «спасибо». Просить олигарха подписать долговое обязательство я не стал – с такими людьми не до долговых обязательств и довольствуешься честным словом (на тот момент я не знал еще, что честное слово олигарх трактует потом в собственных интересах). В тот вечер, уходя из дома олигарха с чувством удовлетворения и собственного достоинства, я не понимал еще, в какую переделку вляпался со своим идиотским желанием показать, что все могу.

Проблемы начались через две с небольшим недели, когда олигарх вернулся в Москву...

Мне позвонил московский финансовый помощник олигарха, которому тот поручил вернуть Сарины деньги. Помощника чуть кондрашка нехватила, когда я сказал ему, что деньги взяты под два с половиной процента в месяц. Он отключился, потом перезвонил, сказал, что обсудил вопрос с олигархом, что тот очень возмущен и согласен платить два процента и не больше. И только когда я потребовал переговорить с олигархом напрямую, он перезвонил и сказал, что отдаст два с половиной процента, добавив: «Давай, приезжай в Москву и забирай».

Когда я ответил, что деньги брали в Израиле и отдавать их надо в Израиле, а помощник олигарха перешел на мат, мне пришлось снова просить его соединить меня напрямую с олигархом. Отдавая деньги и принимая на себя обязательства перед Сарой, я не подумал, что возможности вернуть деньги в Израиле может не представиться – ведь Сара дала деньги наличными, а вариант банковского перевода был исключен. Можно, конечно, было бы передать людям наличные в Москве, чтобы их вернули Саре в Израиле, но цена вопроса составляла чуть ли не четыре процента в добавок к Сариным, так что желание немедленно отдать деньги у помощника олигарха временно отпало.

Саре про мои переговоры с Москвой и тревожнения я ничего не рассказывал. Сказал только, что олигарх ищет способ перевести ей деньги в Израиль, на что она ответила, мол, пока проценты тикают, срок возврата ее не волнует. Через

месяц с небольшим помощник олигарха сообщил мне, что оказию нашли и деньги отдадут в Израиле через три недели, о чем я поспешил уведомить Сару. Сара была отнюдь не рада предстоящему возврату денег. Через день она позвонила мне, посетовала, что все эти годы она из-за денег боялась выйти надолго из дому, и спросила, смогу ли я открыть ей счет в швейцарском банке и перевести положенные деньги туда.

Сара пообещала оплатить мне гонорар и все расходы, связанные с открытием счета и перелетами. По поводу размера гонорара мы долго торговались, но, понимая свою ответственность в случае невозврата денег, я пошел на серьезные уступки и снизил стоимость своих услуг до постыдной. Помощник олигарха, тоже правильной национальности, был, со своей стороны, рад отсрочить возврат денег, сэкономив на дополнительной комиссии при передаче их в Израиль, – но только предварительно убедился, что Сара не будет претендовать на получение процентов за отсроченный период.

Я начал искать швейцарский банк, который согласится открыть счет для ста пятидесяти тысяч долларов с копейками – уже тогда мне было известно, что уважающие себя солидные швейцарские банки даже не разговаривают с клиентом, у которого меньше полумиллиона. Сара тем временем обратилась в МВД, чтобы ей выдали заграничный паспорт – с Изей она за границу никогда не ездила, а паспорт был необходим для открытия счета. Через неделю благодаря моему

другу-адвокату мне удалось найти приличный банк средней руки в Цюрихе с русскоязычным менеджером, который согласился открыть счет для Сариного НЗ. Теперь оставалось придумать, каким образом наличные деньги из Москвы попадут на счет физлица в Швейцарии. Здесь будет, пожалуй, уместно небольшое профессиональное отступление. Обывателю все может казаться предельно простым – в американских фильмах похитители то и дело берут заложников и требуют перевести выкуп на указанный ими банковский счет. В кинофильмах перевод любых денег сводится к банальному нажатию кнопки. В реальной жизни, в особенности после событий 11 сентября 2001 года, все обстоит намного сложнее, и уже несколько лет нельзя просто так взять и перевести деньги со счета на счет без ссылки на подтверждающий договор. Перевод значительных сумм всегда сопровождается документально, и без подтверждения банки просто отсылают деньги обратно.

Мне пришлось снова приехать в Беэр Шеву, чтобы обсудить с Сарой, за что она может получить деньги. Предоставление каких-либо услуг сразу отпало – экономикой Сара занималась только в магазинчике Изи, ее незаконченное среднее образование не позволяло ей выставить счет ни за какие услуги. Сара спросила, может ли она получить деньги за продажу квартиры в Молдавии – я скептически напомнил ей, что квартиры в Молдавии у нее не было. «Была, была!» – ответила мне Сара. «И я продала ее совсем недавно, как раз

за сто пятьдесят шесть тысяч долларов». Я решил с ней не спорить и не выяснять, каким образом она продала квартиру, не выезжая из Израиля, и что за квартира в Бельцах стоит таких денег.

Через десять дней в московском офисе олигарха в одной из башен недостроенного Москва-Сити мне вручили запечатанный бумажный пакет с деньгами. Водителя мне не выделили, и я вызвал машину по телефону. С зажатым под мышкой увесистым пакетом, стараясь не оглядываться по сторонам на каждом шагу, я прошел двести метров мимо «Афимолла» к «Новотелю», где меня ожидало такси. В гостинице я всю вторую половину дня не выходил из номера, время от времени поглядывая на сверкающую огнями и манящую Москву за окном, и только на следующий день утром вызвал машину, чтобы поехать в банк, где меня уже ждал то ли родственник, то ли знакомый Сары, специально приехавший из Молдовы. По предварительной договоренности за комиссию в один процент банк принял наличные деньги и открыл счет на имя родственника Сары. Открыв счет в банке и наконец избавившись от наличных, я почувствовал огромное облегчение: я снял с себя ответственность за возврат денег – мне казалось, что теперь мне предстояло выполнить лишь адвокатские задачи.

На следующей неделе я явился домой к Саре. Рассказывая про свои московские приключения, я чувствовал себя победителем системы. Сара гордо помахала у меня перед носом

новым паспортом, а потом с заметными душевными усилиями отсчитала в счет моего гонорара и расходов пачку зеленых из шкафа в спальне. Когда речь зашла о Швейцарии, я сказал Саре, что для открытия счета ей нужно лишь подписать формы, которые я заверю, все остальное я сделаю сам. С видимым огорчением Сара спросила меня, зачем ей тогда понадобилось заказывать загранпаспорт. Я стал объяснять, что без паспорта счет не откроют, но Сара не хотела и слушать. И только тут я осознал, что в Швейцарию мне придется отправиться вместе с ней.

Недели две у нас с Сарой ушло на то, чтобы согласовать рейс, – она долго выбирала для нас самые дешевые билеты, задействовав сразу нескольких турагентов. Затем, к своему глубокому удивлению, я узнал, что Сара заказала для нас номер на двоих в одной из самых дешевых гостиниц Цюриха. Я выразил свое возмущение и категорически отказался делить с ней номер. Сара стала оправдываться: она, мол, специально попросила для нас отдельные кровати. Я был непреклонен и предложил ей поехать в Цюрих одной. Сказав, что я «та-ки ее разоряю», Сара при мне позвонила своему турагенту и попросила заказать нам отдельные номера.

В аэропорту Бен Гурион мы встретились с Сарой за три часа до рейса. Досмотр мы проходили долго – она очень серьезно отвечала на все вопросы службы безопасности: наморщив лоб, вспоминала, нет ли у нее с собой в ручной клади режущих или колющих приборов; возмущалась («ну как

можно?»), когда ее спросили, кто помогал упаковывать ее чемодан; убеждала, что она не везет с собой ни для кого подарков и передач, ведь она никого в Швейцарии не знает; объясняла, что чемодан никто не открывал, хоть он и ехал в аэропорт в багажном отделении микроавтобуса. Я слушал все эти сверхподробные объяснения и боялся одного вопроса: зачем она едет в Швейцарию? Но когда этот вопрос все-таки прозвучал, Сара проявила неожиданную находчивость: «Вот, еду с племянником к родственникам».

Позже Сару все-таки тормознули на досмотре, когда рентгеновский аппарат высветил в ее сумочке среднего размера ножницы, отнюдь не маникюрные, и перочинный нож. Сара стала причитать: «Ой, да разве это острое? Ну, конечно, взяла ножик на всякий случай, колбасу резать», – но сотрудники аэропорта слушали ее с каменными лицами. После долгих препираний – все это время я старался делать вид, что мы не вместе, – Сара, уже осознав, что ножницы и нож придется оставить, долго расспрашивала девушку-пограничницу, где она сможет забрать свои вещи по возвращении.

Потом были покупки в дьюти-фри – Сара долго восторгалась низкими ценами, набрала полную тележку всякого барахла и только у кассы осознала, что цены указаны в долларах, а не в шекелях. С возмущением отказавшись от всего набранного, Сара решила оставить шесть бутылок виски («две по цене одной!») и очень огорчилась, когда узнала, что обратно в Израиль разрешено ввозить только один литр виски

и две бутылки вина. Я сжалился над пожилой женщиной и, поймав полную то ли сострадания, то ли брезгливости улыбку продавщицы, сказал, что проведу для Сары вторую бутылку.

Взлет Сара перенесла относительно спокойно, хотя до того трижды напомнила мне, что в последний раз она летела из Бухареста в Израиль четверть века тому назад. После того как самолет выпрямился и лампочка «пристегнуть ремни» погасла, Сара попросила меня достать с полки ее сумку. Из сумки она извлекла пластиковые коробки с теплым потекшим холодцом и с сельдью под шубой, а также сверток с котлетами. Дело дошло до хлеба и овощей, но тут я сказал, что вообще-то в самолете кормят, и Сара, надувшись, засунула все обратно в сумку – все-таки халяву надо лелеять. Через полчаса нам действительно принесли еду, но она была настолько скверной, что даже мне не удалось скрыть отвращения. Сара – ее лицо сверкало: «Я вам говорила, а вы не верили!» – начала снова доставать все свои коробки и свертки. Готовила Сара очень вкусно; тогда в первый и последний раз я ел в самолете еду, принесенную с собой.

В Цюрих мы приехали к семи вечера. Сара не хотела выходить из гостиницы и сильно огорчилась, когда я отказался поужинать остатками ее домашней еды. Я же, окрыленный долгожданной свободой, сразу поехал на трамвайчике на Банхофштрассе, где перекусил в знаковом Zeughauskeller, причем обильно залил ужин пивом.

На следующий день утром мы с Сарой спустились в ресторан за бесплатным завтраком. Ее огорчению по поводу скудности швейцарского фуршета не было границ – она долго вспоминала обилие яств на столах в гостиницах Мертвого моря в Израиле и с видимым удовольствием рассказывала мне, что во время завтрака она всегда забирает добавку с собой, поэтому еды ей всегда хватает на весь день. Я хотел было напомнить Саре, что она выбрала чуть ли не самую дешевую гостиницу в Цюрихе, так что завтрак вполне соответствует цене, но решил промолчать. Сара в ответ сказала бы, что ночь в самой дешевой гостинице Цюриха стоит как три ночи на Мертвом море, а ей к тому же из-за моей прихоти пришлось заказать аж два номера.

В банк мы приехали на пятнадцать минут раньше запланированного и устроились ждать приема в прохладном лобби. С пятиминутным опозданием к нам спустился русскоговорящий сотрудник банка Ларион, и втроем мы поднялись на четвертый этаж заполнять документы. Через пять минут Сара уже называла ошеломленного Лариона Лариком. Но по-настоящему она огорошила меня тогда, когда Ларион попросил ее предоставить документ в подтверждение происхождения полученных средств, и Сара вытащила из сумки целлофановый файл с договором продажи квартиры, честь по чести заверенным у нотариуса.

Процедуры подписания и оформления документов в банке заняли несколько часов. Сара полностью сконцентриро-

валась на Ларионе и оставила меня в покое, наедине с моими айфоном и электронной почтой. Обратный рейс в Израиль вылетал в шесть вечера, и благодаря дождливой погоде мне удалось избежать совместных прогулок с Сарой по Цюриху. Во время обратного полета она снова вытащила фольгу с оставшимися котлетами, а потом – и когда вообще успела нахватать! – достала с десятков бутербродов с гостиничным сыром и колбасой и шесть баночек гостиничного йогурта.

По прилете в Израиль в расчете на скидку Сара долго пересчитывала мой гонорар и свои расходы, но я, уже достаточно травмированный совместным путешествием в Цюрих, оставался непоколебим. Деньги из Москвы перевели в Швейцарию без проблем. В первые месяцы после поездки Сара еще теребила меня с вопросами по банку, но когда я намекнул, что мои дальнейшие услуги будут стоить дополнительных денег, Сара полностью переключилась на Ларика.

Недавно Сара умерла, оставив своим сыновьям наследство в швейцарском банке, а московский олигарх до сих пор вспоминает и не может простить мне, что я заработал на нем деньги. В действительности одолжением, которое я ему тогда оказал, я заработал только седые волоски на висках и нерво-трепку. Ну и совсем немного жизненного опыта, но об этом ему знать не нужно...

История о моей первой девушке

История о моей первой девушке тесно связана с моим переездом в Израиль, и ее нельзя передать, не описав, хоть вкратце, того шестнадцатилетнего ребенка, каким я был более четверти века тому назад. Я познакомился с Леной (имя вымышленное – настоящее останется со мной) в ту самую ночь, когда наш самолет приземлился на Земле обетованной.

В октябре 1989 года мы сначала уехали на поезде из нашего города в Москву. Провожавших на вокзале было совсем мало – мы не афишировали наш отъезд, и про него знали только самые близкие друзья и родственники. Мы уезжали из СССР во вражескую страну, и мои родители, знакомые учителя в том небольшом городе, где я родился, с многолетним стажем, хоть и уволились за полгода до отъезда, до самого последнего момента переживали, что их могут не выпустить. Я больше не ходил в школу, и никто из моих одноклассников так и не знал даты нашего отъезда. Ничего удивительного в этом не было – популярностью среди одноклассников я не пользовался и вне школы с ними почти не общался. Меня пришли провожать только трое знакомых – мои товарищи по частным урокам физики, которые я продолжал брать, даже прекратив занятия в школе. Из троих ребят двое пришли меня провожать не столько по дружбе, сколько из ощущения солидарности: их семьи вскоре тоже

должны были покинуть страну.

Странно, что я помню в мельчайших подробностях мои более ранние двухдневные поездки на поезде с мамой в Ленинград, но совсем не помню ту самую последнюю поездку в Москву. В Москве мы остановились переночевать у давних друзей моих родителей. Помню, что в тот последний проведенный в СССР вечер их сыну, моему сверстнику, я, хвастая, показывал чудеса техники, купленные на ненужные более рубли. За месяц до переезда в Израиль родители купили мне плеер «Шарп» и двухкассетный магнитофон «Грюндик» – аппаратуру, которую они не могли позволить себе, пока были рядовыми гражданами СССР. Помню, что я тогда показывал все это сверстнику, потому что плеера я так и не обнаружил потом, когда начал искать его в аэропорту. Что ж, мы уезжали безвозвратно – похищение плеера из кармана рюкзака было идеальным преступлением. Совсем не помню ни московского аэропорта, откуда мы улетали в Бухарест, ни подробностей последнего таможенного досмотра при вылете из СССР – хотя его многие описывали как самый напряженный момент. Прямого авиасообщения между СССР и Израилем тогда еще не было, а казненный несколькими годами позже Чаушеску при всех его недостатках, видимо, был умнее других лидеров коммунистической партии и Израилем не брезговал, в частности, зарабатывая на таких перелетах. Мои воспоминания ведут меня сразу в коридоры аэропорта Бухареста, где мы на адреналине ждали пять или шесть ча-

сов пересадки на эль-алевский рейс, который и доставил нас по назначению. Наверное, эти воспоминания так явственно возвращаются ко мне сейчас именно потому, что в аэропорту Бухареста я впервые увидел Лену. Там, считая часы до рейса, наши семьи разместились в зале ожидания недалеко друг от друга – в нескольких метрах от себя я увидел невысокую девушку, коротко стриженную шатенку, очень симпатичную, в джинсовой куртке, которая, как мне казалось, время от времени с интересом посматривала в мою сторону. Иногда наши глаза даже встречались на долю секунды, чтобы сразу разбежаться, сделав вид, что ничего не происходит, но подойти познакомиться с Леной в Бухаресте смелости у меня так и не хватило.

Теперь для полноты представления совсем немного обо мне в тот момент. К моим шестнадцати у меня никогда не было девушки. С самых малых лет у меня были, конечно, влюбленности, но ни одной взаимной. Была девочка, с которой я три года сидел за одной партой в начальной школе, гораздо позже была другая, на которую я заглядывался в зимнем лагере восьмого класса и которую я держал за руку, когда мы шли в кино. Летом перед самым отъездом была еще одна, которую я пригласил на свидание, но за день до назначенного свидания она вдруг начала целоваться с моим другом, когда мы с ребятами тусовали у нее дома.

Помню, что хоть я и рассказывал друзьям про мой опыт французских поцелуев с девушкой, с которой я познакомил-

ся в четырнадцать лет, находясь в стационаре Ленинградской детской больницы после операции, такого опыта у меня на самом деле не было. В четырнадцать лет в той самой Ленинградской детской больнице имени Раухфуса две девочки – одна младше меня на год, а другая старше на два – полупшутя-полуподталкивая, попытались завлечь меня в ванную комнату и, хихикая, закрыть дверь на засов изнутри, но я почему-то сопротивлялся и вырвался. Несколько месяцев спустя я уже жалел о своей нерешительности и гадал, что они хотели со мной совершить в той больничной ванной комнате. Дальше я выдумал продолжение этой истории, с французским поцелуем и даже с незаконченным освобождением от больничных халатов, когда нас застала медсестра, что придавало мне определенный вес в глазах сверстников. А на самом деле даже в те редкие разы, когда мне доводилось играть в бутылочку, эти заколдованные бутылочки никогда не показывали на меня.

В Израиль из Бухареста мы прилетели в полночь. На автобусе от самолета нас привезли в большой зал ожидания на втором этаже, где мы ждали, пока нам выдадут документы. Выход на волю был с первого этажа – там перед дверью за столиком сидел охранник в голубой рубашке, и через окошечко в той самой двери за нами подсматривали встречающие родственники. Несмотря на позднее время, помню, все прибывшие были в приподнятом праздничном настроении и не могли поверить, что это наконец сбылось. В ожидании до-

кументов и встречи с родственниками никто из прибывших даже не присел отдохнуть.

В самолете мы с Леной сидели далеко друг от друга, а когда очутились в зале ожидания, наши подгляделки возобновились. Мне больше не казалось, что она смотрит на меня – я видел, что она смотрела, и сам все время смотрел на нее. Один раз наши глаза встретились и задержались дольше, чем на одно мгновение, и Лена улыбнулась мне ямочками. Мое сердце екнуло в груди странно, как незнакомое. Нас регистрировали долго, часа два или дольше. Я чувствовал, что время безвозвратно уходит, но долго не мог преодолеть себя и подойти к девушке, ведь я раньше никогда так не поступал. Наконец я все-таки преодолел себя, когда Лена направилась по ступенькам вниз, к заветной двери на выход и окошку с встречавшими, и я поспешил за ней, опаздывая на один пролет. Она уходила, уже готовая войти в комнату, где толпились люди, и тогда у меня вырвалась фраза, которую я не произнес бы ни при каких других обстоятельствах. Я громко сказал: «Чертлажа... лететь вместе и не познакомиться». От этой своей «чертлажи» я покраснел и слегка оторопел, а Лена обернулась и остановилась, ожидая, пока я спущусь на отказывающихся повиноваться, несгибающихся ногах. Я все еще не осмеливался пошевелить языком и не имел понятия, что сказать, а она уже протянула мне теплую ладошку и представилась: «Лена». Мы разговаривали совсем недолго, и я только успел узнать, что они приехали из Одессы и что Ле-

на старше меня на два года. Очень скоро Ленин папа позвал ее наверх – им вроде начали выдавать документы. Номеров телефонов у нас тогда не было, мы только приехали в новую страну, не представляя даже, где будем жить. Толком ничего не узнав друг про друга, мы обменялись наспех адресами наших встречавших родственников, пообещав, но до конца так и не поверив, что будем переписываться.

Лену с родителями выпустили на пятнадцать минут раньше нас, а потом был Израиль, который сразу оглушил, захлестнул новыми запахами, чувствами и эмоциями – настолько, что я напрочь забыл про Лену. Асфальт ночного аэропорта в октябре еще был теплым, разметки снежно-белыми, а невиданные в СССР машины сверкали красно-белыми наклейками отражателей и желтыми ободками номеров. Мы встретили папиного брата – моего единственного дядю, которого я знал с детства и приезды которого почему-то всегда ассоциировались у меня с картошкой в мундирах, – он приехал встречать нас в аэропорт с женой и сыном, моим двоюродным братом. Потом мы разделились – дядя с папой поехали на минивэне с нашими чемоданами, а мама и я поехали с двоюродным братом и дядиной женой на их новом японском авто. Новый японский автомобиль – единственными иномарками в нашем городе тогда были проезжавшие мимо по туристическим маршрутам румынские «Дачи», чешские «Шкоды» и польские автомобили, названия которых я уже и не помню, – был для меня невиданным чудом. А по-

том произошло новое чудо: мой брат, всего на два года старше меня, сел за руль этого невиданного автомобиля и повел машину, непринужденно высунув левую руку в окно. В открытое окно проникал теплый сладкий дурмящий воздух. Мы приехали к дяде домой после четырех утра, мне постелили на раскладушке в комнате моего двоюродного брата, когда уже начало светать и через жалюзи уже начинал брезжить утренний свет. За окнами квартиры меня ждал новый желанный мир, я с нетерпением и восторгом ждал его.

Письмо от Лены мне передали через две недели после того, как мы приехали. Мы даже уже немного обосновались на съемной квартире, но Лена прислала письмо на адрес дяди, ведь это был единственный израильский адрес, который я знал в аэропорту. На листике в клеточку, вырванном из советской тетради по математике, Лена писала о себе, о квартире, которую сняли ее родители в городке Нес-Циона, примерно в восьмидесяти километрах от города, куда приехали мы, про начало изучения иврита в ульпане и про курсы медсестер, куда она собирается записаться. В отличие от квартиры моих родителей, в квартире родителей Лены даже был городской телефон, но звонить Лене от дяди я не решался – с самого приезда я то и дело слышал, что междугородние разговоры слишком дороги (родители очень сэкономили и стеснялись даже звонить от дяди сестре, которая с семьей очутилась в другом конце Израиля), а своих денег у меня не было.

Месяц с небольшим мы переписывались с Леной регу-

лярно, не задумываясь о перспективах, даже о перспективах встречи. В декабре мы с родителями отправились к их давним друзьям в Ашдод – эти люди приехали в Израиль на десять лет раньше нас, преуспели в Израиле и хотели проявить радушие по отношению к нам, новым репатриантам. Вечером за ужином в гостях я спросил, как далеко от Ашдода находится городок Нес-Циона, и друг отца сказал мне, что это совсем рядом. Когда он поинтересовался, что мне нужно в Нес-Ционе, я ответил, что там живет девушка, с которой я познакомился в аэропорту. С шутками и прибаутками о том, какой я шустрый – еще не успев приехать в Израиль! – меня попросили рассказать поподробнее. Выяснилось, что мы с Леной только переписываемся. Друг отца сразу встал и со словами «в чем проблема?» принес из коридора телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.